
Обратная
сторона неба

Максим Глухомань

Обратная сторона неба

https://litres.ru/74717579
SelfPub; 2026

Аннотация

Обычная жизнь заканчивается в тот момент, когда над горизонтом вспыхивает свет, которого не должно быть на Земле. Тому, кто видел это первым, придётся решить: остаться собой или шагнуть за обратную сторону неба. Это история о встрече с теми, кто пришёл из других миров, о страхе и смелости, о дружбе, которая рождается на границе неизвестного. Приключенческое фэнтези о первой встрече человечества с чужим разумом — и о том, что иногда чужой оказывается ближе, чем ты думал.

Содержание

Глава 1. Глухая Падь 4
Глава 2. Стеклянная поляна 6
Глава 3. Тот, кто не дышал 9
Глава 4. Ксюша и карта деда 11
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Максим Глухомань
Обратная сторона неба

Глава 1. Глухая Падь

Дождь в Глухой Пади всегда начинался одинаково. Сначала тянуло мокрой хвоей, потом в бору глухо ухало — словно за дальней делянкой кто-то ворочал сырые плахи, — и только после этого небо разжималось.

Игнат стоял на крыльце отцовского дома. С проржавевшего козырька тянулась вниз струйка воды — тонкая, прямая. Двенадцать лет он сюда не приезжал. И за двенадцать лет тут не переменилось ничего: та же баня на один бок, тот же колодец с воротом, тот же забор — отец так и не дострогал его до конца.

В город, в геологоразведку, Игнат уехал отсюда двенадцать лет назад и тогда думал, что насовсем. Дальше была другая профессия, три года в поисково-спасательном отряде, а потом звонок из сельсовета: отец умер в феврале, дом стоит пустой, приезжайте, пока не растащили.

Он приехал. В середине сентября, с рюкзаком и чемоданом инструментов — их он не выбросил даже тогда, когда перестал лазить по кернам.

— Ну и дурак, — сказал он вслух.

Ответа не было. На семнадцать дворов в Глухой Пади приходилось восемь жилых, и в такую погоду ни один не подавал признаков жизни.

В доме пахло сухой печью и табаком. Казалось, отец вышел покурить и вот-вот вернётся. На столе лежала клеёнка с выжженной дыркой, на гвозде висел тулуп, в углу стоял ящик с бумагами — разобрать его Игнат обещал себе ещё в марте.

Во дворе ухнуло снова, ближе. Игнат поднял голову.

С северо-запада по небу шло что-то, и на грозу оно походило меньше всего. Длинная полоса мутного света — как если бы над бором натянули мокрую марлю и подсветили её изнутри. Полоса тянулась низко, для молнии слишком низко, и шла не туда, куда гнал ветер.

Семь секунд — и полоса погасла, и над Мёртвой горой встало короткое красное свечение — слабое настолько, что его легко было принять за закат, не сядь солнце два часа назад.

В посёлке залаяла собака. За ней вторая. Потом обе замолчали разом, и эта тишина была хуже лая.

— Так, — сказал Игнат и пошёл за фонарём.

Глава 2. Стеклянная поляна

В бору стояла тишина, какая бывает только после дождя: мокрая, тяжёлая. Игнат шёл по старой лесовозной колее, знакомой ещё с мальчишеских лет. По ней когда-то вывозили лес на делянку, потом бросили, и дорога заросла — выдавали её только ровные промежутки между соснами.

Сорок минут он шёл, прежде чем понял: бор переменился.

Первым пришёл запах. Чужой, металлический, как у губы, прикушенной до крови, — ни гари, ни смолы. Потом посыпался звук: у самой земли держался сухой ровный треск, ни на секунду не прерываясь, словно под мхом шелушилась береста, сухо и часто, без передышки.

Фонарь Игната бил вперёд, но между сосен уже светилось само — холодным ровным светом, какого в лесу не бывает.

Поляна открылась сразу. Шаг назад ещё был бурелом, потом деревья расступились, и Игнат увидел круг метров в тридцать поперёк — ни травы, ни мха, ни земли, ни даже снега.

Поверхность была стеклянной.

Вспученной, переливчатой, с волнами, застывшими на полдороге. Катком по такой не прошли бы: каток оставляет гладь. На стекле лежали тени — длинные, неправильные, не сходящиеся ни с одним деревом вокруг. В центре круга тор-

чал обломок: наклонная плита с чёрным провалом внутри, и от неё к краю тянулись борозды, будто волокли по стеклу что-то тяжёлое и живое.

Четырнадцать лет Игнат работал геологом. Он видел импактиты, видел оплавленные породы, видел, как выгорает лес после метеорита. Всё это было не то. Ни первое, ни второе, ни третье.

Он присел рассмотреть край — и треск под землёй оборвался.

Сделалось так тихо, что Игнат услышал, как стучит кровь в ушах.

А потом из чёрного провала в плите вышло существо.

Ростом оно было метра два с половиной, если мерить по прямой. По прямой оно не стояло: изгибалось, как стебель на ветру, и от этого казалось то выше, то ниже. Кожи видно не было — тело закрывала серая ткань, плотная настолько, что тянула на броню, и живая настолько, что бронёй быть не могла. Голова вытянутая, гладкая, без рта, без носа. Две узкие щели по бокам, в них — тусклый свет.

Существо ступило на стекло. Стекло не треснуло.

Двигаться он не смог. Тело отказалось само, без всякого участия храбрости. В поисковом отряде его учили: не беги, пока не уверен, что быстрее. Что не быстрее, он знал точно.

Существо повернуло голову к свету его фонаря.

И тогда Игнат сделал то, чего сам от себя не ждал: опустил фонарь к земле, чтобы не светить в лицо. В отряде этот жест

значил «я не угрожаю».

— Я тебя вижу, — сказал он. — Я без оружия.

Существо замерло.

По стеклу прошла волна, и у Игната под рёбрами зазвучал голос. Внутри, в самой груди, ровно, будто говорили не в ухо, а прямо в кость.

«Ты один?»

Сглотнул он с трудом.

— Один, — сказал он. — А ты?

Существо медленно наклонило голову набок. Свет в щелях дрогнул.

«Нас пятеро. Четверо живых».

Глава 3. Тот, кто не дышал

Имя у него было, только произносить его не стоило: звук выходил такой, что у Игната ломило в зубах. Сошлись на «Тэе» — коротком, свистящем, похожем на выдох.

Тэй сидел на краю стеклянной поляны, и здесь, вблизи, Игнат наконец его разглядел. Серая ткань оказалась кожей: мелкой, чешуйчатой, с тонкими прожилками света под верхним слоем — как у нас вены. Рта не имелось вовсе. Воздух существу не требовался.

— Ты меня откуда понимаешь? — спросил Игнат.

«Ваш язык — шум, — пришёл ответ. — Я слушаю не шум. Я слушаю то, что ты имеешь в виду».

— Удобно.

«Не всегда. Вы много врёте».

Это было почти смешно. Впервые за весь вечер.

Рассказывал Тэй коротко, обрывками, иногда умолкал на минуту и смотрел в темноту, где шумел лес. Их корабль шёл через пустоту, у которой нет названия ни на одном языке, и в этой пустоте сломался. Они падали трое суток. Уцелели пятеро: сам Тэй, двое его сородичей и одна особь, которая не двигалась и не отвечала.

— А пятая? — спросил Игнат.

«Пятая — это то, что нас догоняет».

Тут Игнат и услышал в лесу второй звук. Стекло больше

не трещало, ветер стих.

Хруст. Ровный, тяжёлый, многоногий, с севера — от Мёртвой горы.

Тэй поднялся так резко, что Игнат отшатнулся.

«Уходи. Сейчас. Держись ручья. По дороге не ходи. Они идут по следу тепла».

— Кто они?

«Сборщики. Мы — то, что они собирают».

Слово «уходи» Игнат не любил, когда его говорили ему. В этот раз он послушался. И после, вспоминая вечер, всякий раз думал: останься он тогда, всё повернулось бы иначе. Быстрее. И, может быть, дешевле.

По ручью, по колено в ледяной воде, он шёл сорок минут. Всё это время за спиной хрустел лес — далеко, но с каждой минутой ближе.

Глава 4. Ксюша и карта деда

Дома его ждали.

На крыльце сидела девчонка лет четырнадцати — в резиновых сапогах и в отцовской куртке, которая была ей размера на три велика. На коленях у неё лежал телефон, на экране светилась карта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.